

Т. Маврина . А. Рогов

ТАРАРУШКИ,
ТАРАРУШКИ

ЭТО

ОПРАВКИ ИГРУШКИ

www.book-illustration.ru

THE INTERNATIONAL BOARD
ON BOOKS FOR YOUNG PEOPLE
awards

The Hans Christian Andersen Medal

to
Tatyana A. Mavrina

*for her International Contribution to the
Illustration of Children's Books*

W. J. H. ...
President, International Board on Books for Young People

B. ...
President, Hans Christian Andersen Award Jury

Athens, Greece October 1, 1976

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ
ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
В 1976 ГОДУ НАГРАДИЛ МЕДАЛЬЮ
ГАНСА ХРИСТИАНА АНДЕРСЕНА
Т. А. Маврину

ЗА ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТИЖЕНИЕ
В ИЛЛЮСТРАЦИИ ДЕТСКИХ КНИГ

ТАРАРУШКИ, ТАРАРУШКИ.

П. МАВРИНА

А. РОГОВ

— ЭТО РУССКИЕ ИГРУШКИ —

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Малыш»
МОСКВА

Б

ЫВАЮТ ли у взрослых игрушки? Вы, конечно, скажете, что не бывают. А вот у меня есть.

В своей комнате я устроил широкие полки, и они сплошь заняты деревянными и глиняными игрушками — матрёшками, копилками, тележками, мужичками, медведями, разными фигурками людей и животных.

Из берёсты есть фигурки, из соломы...

Это не совсем обычные игрушки. В детских магазинах их не продают.

И называются они русскими народными.

Когда-то, в давние-давние времена, такими были все игрушки. Это когда ещё не выросли мои дедушка и бабушка, и их дедушка и бабушка, и ещё раньше.

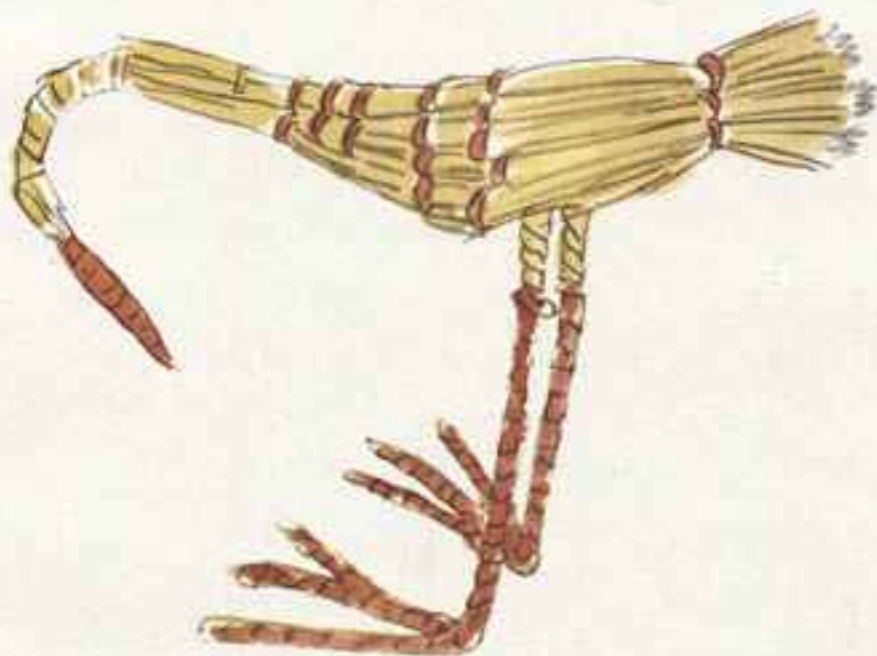
Делают народные игрушки только из дерева и глины да кое-где из берёсты и соломы. Железа-то раньше было мало, а пластмассу ещё не придумали.

И называли их в старину тарарушками. Есть такая присказка: «Та-ра-ра, та-ра-ра — ушли кони со двора». Но почему тарарушки и что такое тарарушки, я не понимал и узнал позже. Я потом расскажу об этом.

Я очень, очень люблю народные игрушки. И собираю их. И считаю, что их просто невозможно не любить и не собирать.

И ещё я очень люблю людей, которые делают эти игрушки, и без конца езжу к ним в разные деревни и города. И считаю, что их тоже невозможно не любить и все обязательно должны знать о них. А узнав, каждый тоже обязательно полюбит этих людей и их игрушки.

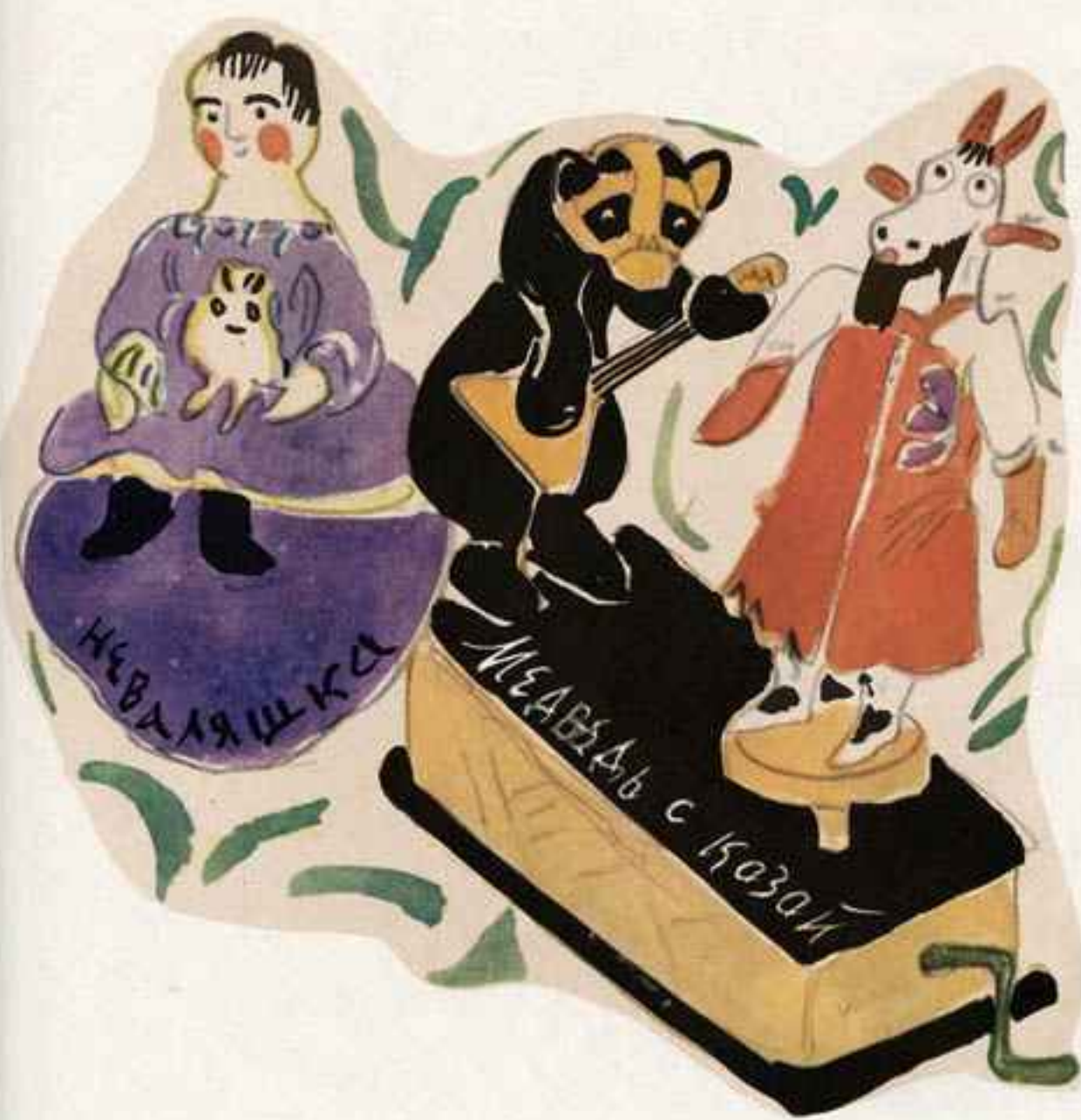

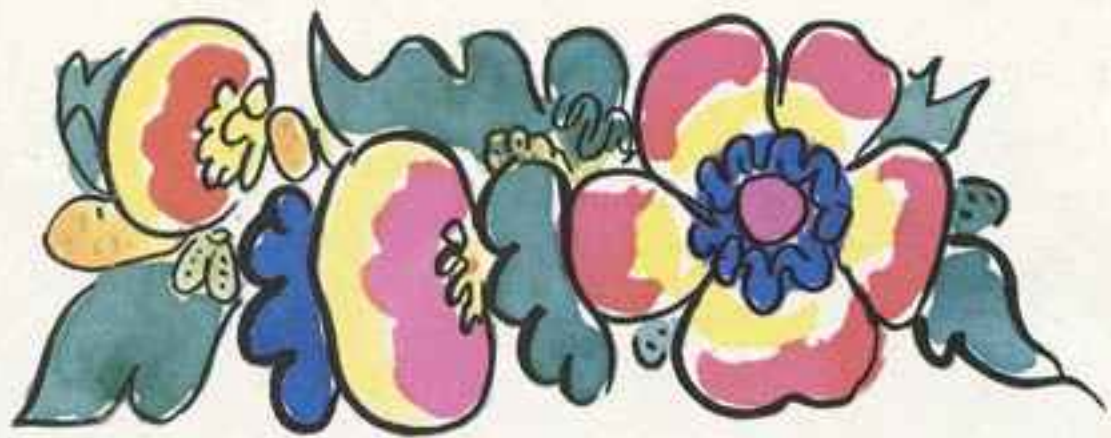
ПРЯНИКИ

ТА-РА-РА, ТАРА-РА -
УШЛИ КОНИ
СО АВОРА!

ПОЛХОВСКИЙ МАЙДАН

ПОЛХОВСКИЙ МАЙДАН—это название села.

Майдан—очень старинное слово, и обозначает оно сборище людей.

А Полховка—это река, на которой стоит село. Вот и получается: сборище на Полховке—Полховский Майдан.

Железных дорог поблизости нет. И больших городов нет. Самый близкий—город Горький на Волге. Автобусом или машиной до него ехать почти целый день, а маленьким самолётом можно долететь за час с небольшим. Аэродром недалеко от села,

и все, конечно, летают только самолётами, даже старенькие старушки. А вокруг Полховского Майдана—леса и поля, и лесов намного больше, чем полей. И все они светлые да прос-

торные, дремучих нет. Да с широкими полянами, на которых летом видимо-невидимо разных цветов: ромашек, мать-и-мачехи, дикого горошка, колокольчиков, кашки, медуницы...

Называются эти леса Мещерскими — это целый лесной край, он как раз здесь начинается и тянется на сто с лишним километров к городу Рязани.

Село лежит на холмах. На нескольких, потому что оно огромное — скоро будет, наверное, уже тысячу домов. Дома все высокие, просторные, да у каждого ещё палисадники и кусты шиповника с яркими розово-малиновыми цветами. Шиповник здесь самый любимый цветок.

И ещё в селе есть большой красивый пруд, в котором мальчишки ловят толстых ленивых карасей и золотистых линей.

Стоят дома в Полховском Майдане очень тесно, прямо как на городских улицах — один к одному, один к одному.

А это потому, что отсюда почти никто не уезжает, даже молодые не хотят уезжать. И, конечно же, строят новые дома, много строят, а леса не дают селу расширяться, обступили его со всех сторон. Лес ведь трогать нельзя, его рубят только в особо отведённых местах.

А не уезжают люди из-за того, что здесь издавна делают игрушки. Во всех домах делают.

За каждым домом в огороде обязательно стоит ещё маленькая избушка-мастерская, по-здешнему — работня.

Внутри всё в белой пушистой деревянной пыли: и на стенах пыль, и на вещах, и на потолке. А под ногами толстый пружинистый слой слежавшихся стружек. Медово пахнет липой. Везде развешан столярный инструмент: стамески, долота, пилы, резак, молотки, рубанки. А у окна — большой, тоже, конечно, весь пропылённый верстак и прилаженный к нему токарный станок.

В давние времена, когда в деревнях ещё не было электричества, рядом с токарными станками устраивали огромные тяжёлые колёса — выше человека ростом. От них к станкам натягивали ремни, и когда кто-нибудь крутил это колесо — работал и станок. Крутить заставляли обычно мальчишек-подростков, хотя дело это очень тяжёлое.

Но теперь-то у всех электрические моторы.

И все полхмайданские мужчины, отработав днём на полях или на фермах — они же крестьяне, — приходят вечерами в эти мастерские. Вставляют в станки липовые длинные кругляши, включают моторы и, крепко ухватив руками резцы, вытачивают фигурки матрёшек, грибки, копилки, бочата, яйца... Много вытачивают.

Корявые кругляши вертятся с бешеной скоростью, а резцы остры как бритвы, и только коснутся дерева, как вверх, закручиваясь, взмывает стружка. Шуршащий звук из-под резца вскоре превращается в свист, разогретая липа пахнет всё сильнее — горячим мёдом пахнет. Стружки летят всё стремительней и затейливей, и скоро мастер стоит словно обвешанный варёной лапшой: и в волосах стружка, и на плечах, и на ушах. Вид смешной, но убирать каждую некогда — нельзя отрывать резец от дерева, испортится поверхность игрушки. Её можно сделать гладкой только в один приём.

Мастерство и сноровка требуются очень большие.

Да и не легка она, эта работа.

Бывает, и три часа простоят мастер у станка, и четыре. На дворе уже тьма-тьмуцкая. На верстаке выстроились десятки белых, голеньких пока матрёшек или грибков, а мастер всё работает. Бывает, из дома прибегут, позовут ужинать или скажут, что уж ночь, уж спать пора, а он только отмахнётся: погодите, мол! Не может оторваться от этого дела.

А потом эти фигурки переносят в больших корзинах в дома, и дальше мужчины к ним уже не притрагиваются, всё делают только женщины.

Сначала обмазывают фигурки крахмалом и сушат, и они становятся белее снега. Затем ученическими пёрышками и кисточками начинают их разрисовывать. И перво-наперво выводят на каждой свои любимые большие розово-малиновые цветы шиповника. Такие же, какие растут перед их домами. Иногда ничего другого на фигурке больше пока и нет — у матрёшек и лица не нарисованы, и руки, и никаких других цветов нет, — а шиповник уже такой красивый и горит таким малиновым огнём, какого больше нигде не увидишь.

Но днями-то большинство полхмайдаанских женщин тоже работают на полях и фермах.

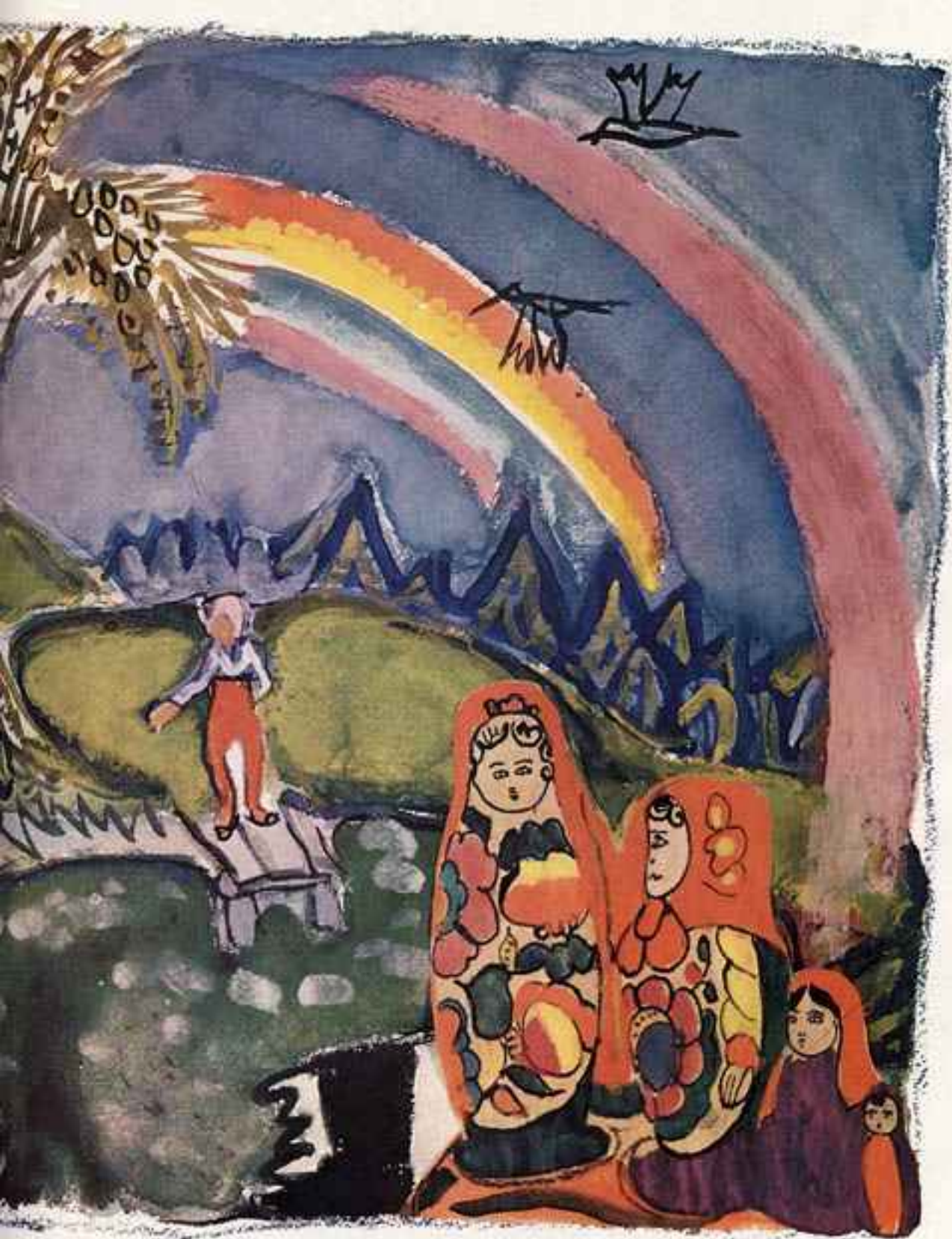
И всё равно, как придут домой, — сразу усаживаются за столы у окон, на которых расставлены пузырьёчки с тушью и красками и разложены пёрышки и кисти. И с ними обязательно дочери-школьницы усядутся. И старушки. И даже девчушки четырёх-пяти лет всегда просятся допустить их к этим столам. Потому что представляете, как это интересно, самой нарисовать полыхающие цветы — пусть пока и не очень удачные! — и матрёшкины глаза, и рот бантиком.

Готовые игрушки расставляют сушиться прямо на полу. И чем их становится больше, тем быстрее и красивей получаются новые.

И оторвать от этого дела тоже никого нельзя, даже малых девчушек. Не хотят идти спать, и всё! Ещё, просят, немножечко! Ещё одну белую фигурку сделать

живой, улыбающейся, сверкающей яркими красками!

Когда игрушек очень много — любая изба превращается в сказочное царство. Ну как тут оторваться! Как пойти спать!.. А самый замечательный из полхмайdanских мастеров — Павел Емельянович Сентюрев.

Когда вырос — началась война с фашистами.

Был на фронте, его несколько раз ранили.

А под конец войны стал пулемётным мастером.

Да таким отличным, что после победы его в самые главные мастерские взяли, в большой город. Командиры не нахвалятся. А он вдруг попросил отпустить его со службы.

— Руки очень по дереву соскучились, по игрушкам.

— По игрушкам?! — удивился главный начальник. — Менять такую замечательную профессию на какие-то игрушки?!

Никто его не понял.

А Павел Емельянович как только приехал в Полховский Майдан, так сразу же сделал ребятишкам игрушки, каких раньше там никто не делал!

А дочь его, Любовь Павловна, нарисовала на них удивительные цветы, которых тоже никто никогда не видел, но которые, наверное, есть в сказках: краски в них переливаются — розовое переходит в красное, в малиновое, в бордовое...

А потом в окне их дома появилось диво: в голубую колясочку был впряжён жёлтый тонконогий конь с гордой могучей шеей. Стоял за стеклом, а казалось, что мчится: в колёсиках спицы мелькали, хвост пушился.

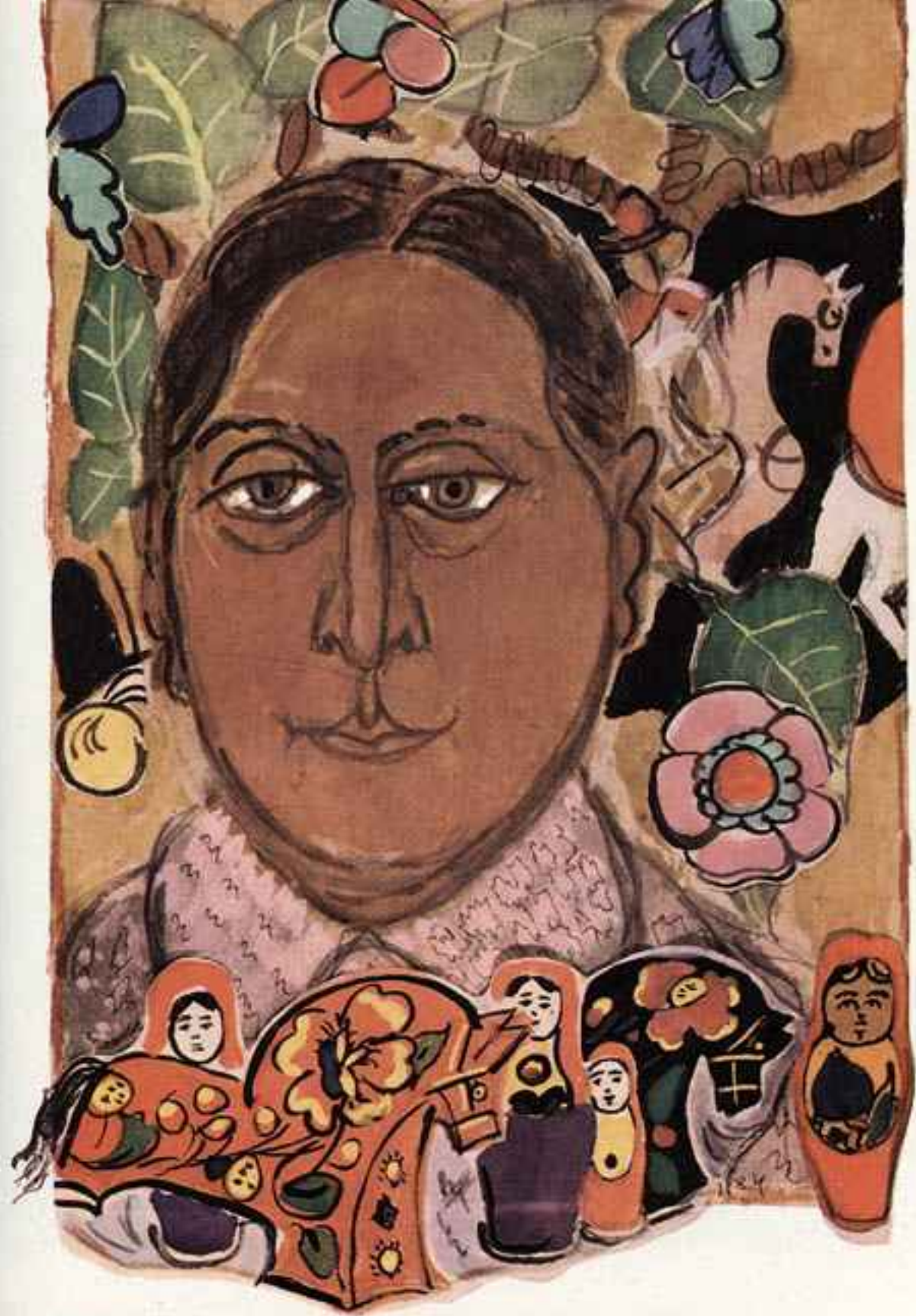
А в другом окне сушился такой же чёрный конь.

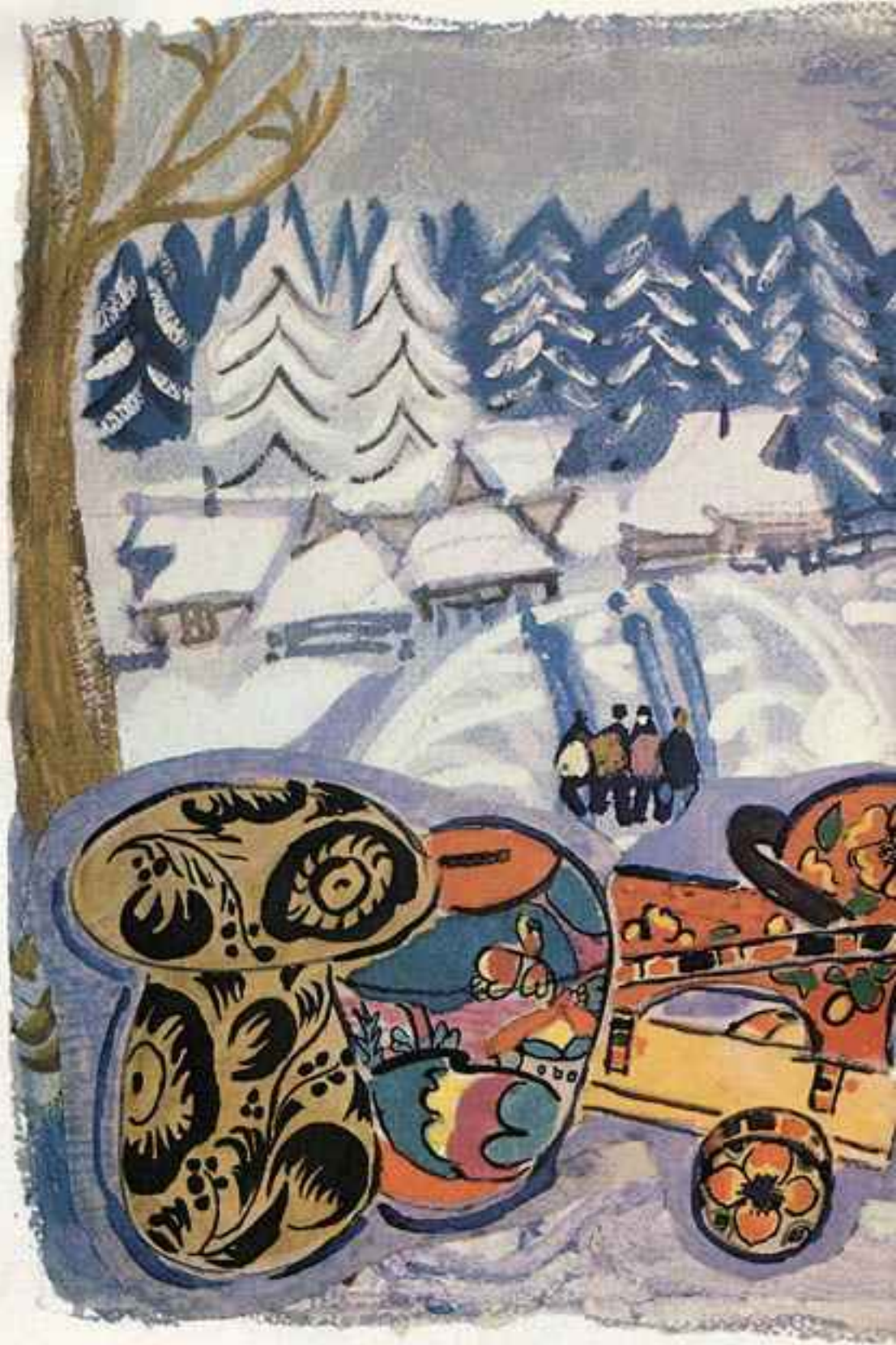
А в третьем — красный...

Ребята со всего села сбежались, и Павел Емельянович вынес им упряжки поиграть.

Эх, если бы бывшие командиры увидели его в тот момент! Увидели бы, как он смотрит на мальчишек и девчонок, устроивших в траве-мураве скачки его необыкновенных чёрных, красных и жёлтых коней! Счастливее его не было тогда никого на свете.

Павел Емельянович много новых игрушек напридумывал. Они бывали на выставках во многих странах мира...

И летом, и зимой, когда случаются солнечные дни, весь Полховский Майдан выносит сушить раскрашенные игрушки на воздух. Летом у пруда. А зимой раскладывают прямо на снегу фанеру, бумагу, холсты, и на них всё и расставляют.

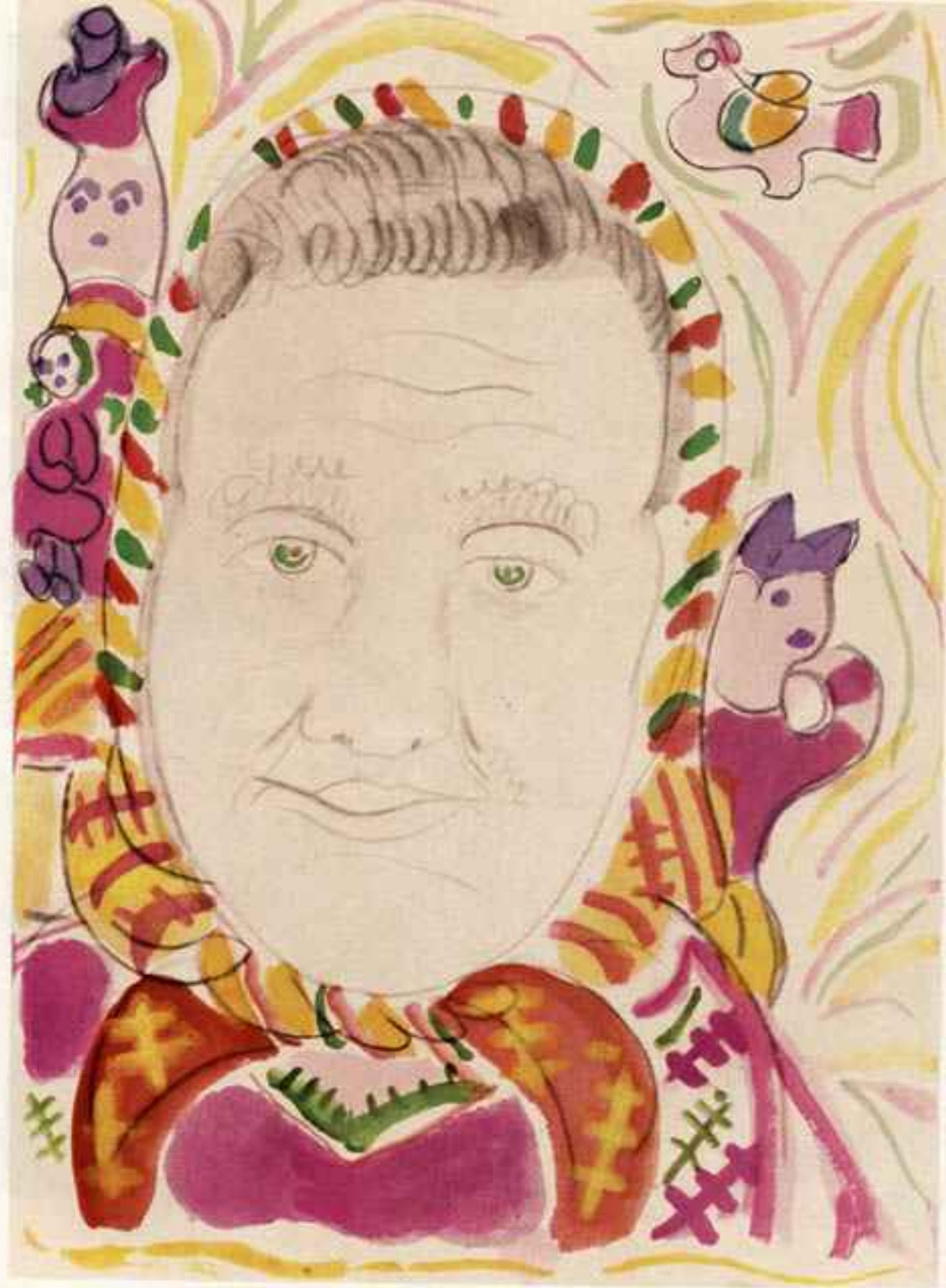
Снег белый, а игрушки, как полыхающая радуга — малиновое в них, зелёное, синее, жёлтое, алое. И всё такое жаркое, как будто нет никакой зимы, как будто прогнали её люди, вырастив эти дивные цветы. И в заснеженных садах они, и над замёрзшей речкой Полховкой, и во дворах.

Снег и цветы — вот какое чудо!

Говорят, что когда поблизости никого нет, игрушки начинают даже водить хороводы и тихо поют.

Вот уж праздник-то получается! Но увидеть его очень трудно. Таятся игрушки. Хотя рассказывают, что некоторые всё же видели.

ПРО ФИЛИМОНОВСКИЕ СВИСТУЛЬКИ, ТУЛЬСКИХ БАРЫШЕН И ТУЛЬСКИХ КОТОВ

В ДЕРЕВНЕ ФИЛИМОНОВО игрушки раньше специально для праздников и делали. Из глины. И только свистульки: всяких зверушек, птиц, коней, барышень, солдат. У барышень были в руках букеты цветов, и в них свистки. А солдаты держали под мышками гусей, в которых тоже можно было свистеть.

Смешные придумывали свистульки. Очень смешные.

Да ещё у всех животных сильно-сильно вытягивали шеи, так что коровы, например, были похожи на жирафов. А медведи — на забавных одноголовых змей-горынычей.

И все фигурки прямо по обожжённой глине разрисовывали

и по сей день разрисовывают в основном полосками: красная — жёлтая — зелёная, красная — жёлтая — зелёная.

Взглянешь — в глазах рябит-слепит, как от солнышка.

Называются эти игрушки филимоновскими — по названию деревни. Она за городом Тулой, надо два часа на автобусе ехать.

Места не такие богатые, как у Полховского Майдана. Лесов совсем мало. Но зато много оврагов, а в них полно всякой глины: белой, красной, розовой, чёрной. Раньше из неё все пого-

ловно делали горшки да крынки, да всякую другую посуду, а из чёрной эти самые свистульки.

— Для праздников их ладили, для праздников,— говорит Елена Ивановна Карпова.— Ребятишки в них уж только потом игравали.

В Филимонове много Карповых, и тоже игрушечниц. А эта вот Елена Ивановна.

Она махонькая-махонькая. Лицо с кулачок, а глаза светло-серые, блестят и покалывают. Когда лепит и раскрашивает, всё

время разговаривает, со всякой новой игрушкой разговаривает.

Сделала парня с лукошком и курицей и спрашивает:

— Кормить пришёл курицу-то?

На лошадь вдруг котёнка прилепила, покрасила его ярко-зелёным. И смеётся. Лису с лисёнком сделала.

А корову с медведем когда красила, вдруг и спрашивает:
— Подарок медведю принесла?

У всех других коров глаза делала лиловыми. Снаружи жёлтая глиняная бараночка, а внутри — лиловое. Очень красиво!
А этой говорит:

— Пусть будут белые. Всё же коровы разные.

И погладила её.

Руки у Елены Ивановны маленькие, но сильные, тёплые и ласковые-ласковые.

Каждая игрушка, ещё когда комочком глины была, уже, наверное, чувствовала, как они согревали эту глину в своих ладонях, как потом осторожно разминали и грели дальше, как раскатывали, вытягивали, вылепляли тело, ноги, головы, рога и уши. И гладили, гладили — ласкали. И Елена Ивановна уже с ними разговаривала, уже объясняла:

— Игрушки должны быть все очень красивые, понимаете? И очень добрые. Весёлые. Не вредные. Чтоб как глянул — сразу полюбил и не выпускал из рук. Вы ж друзья всех людей, а дружбы без любви не бывает. Надо, чтоб вас очень любили. И чтоб вы все были разные: филимоновские так филимоновские, тульские так тульские, курские так курские. Разные же интересней!

Тульские глиняные барышни-то знаешь какие длинненькие! Ой-ёй-ёй! Прямо травиночки. И все беспрерывно с зонтиками. Все гуляют.

А ихние коты-копилки, наоборот — очень толстые. Много сидят, обленились. Но ласковые. Любят, чтоб их гладили...

Потом Елена Ивановна ставит только что вылепленные игрушки в печь, которая устроена близ деревни в склоне оврага. Ставит ряд за рядом прямо на берёзовые поленья. Дров очень много, и горят они долго и сильно. И игрушки раскаляются в печи сначала докрасна, потом добела. А потом медленно-медленно остывают, и когда дверцы распахивают, оказывается, что из чёрных — они же из чёрной жирной глины — стали бело-розовыми и твёрдыми как камень.

И только тут начинается роспись. Да не кисточкой, а гусиным пером. С кисточки краска к чистой обожжённой глине не пристаёт, а с гусиного пера — пристаёт.

— Раньше на всех праздниках беспрерывно свистели, — рассказывала мне Елена Ивановна. — Эх, как засвищут! И млад и стар. Бывало, кажется, улица шатается, как засвищут-то все...

И самые красивые свистульки были у бабушки моей, у любого спроси. Ащурковой Фёклой Дмитриевной звали. И прабабушка моя — игрушечница.

Деревню нашу ещё при царе Петре поставили, сначала солдаты жили. Они будто, когда службу не несли, то посуду и свистульки ладили...

Я спросил, не знает ли она, что такое тарарушки.

— Как не знать! Тарарушки и есть игрушки.

Такое их прежнее имя.

— Но почему тарарушки-то?

Что это обозначает?

— А верно — что?

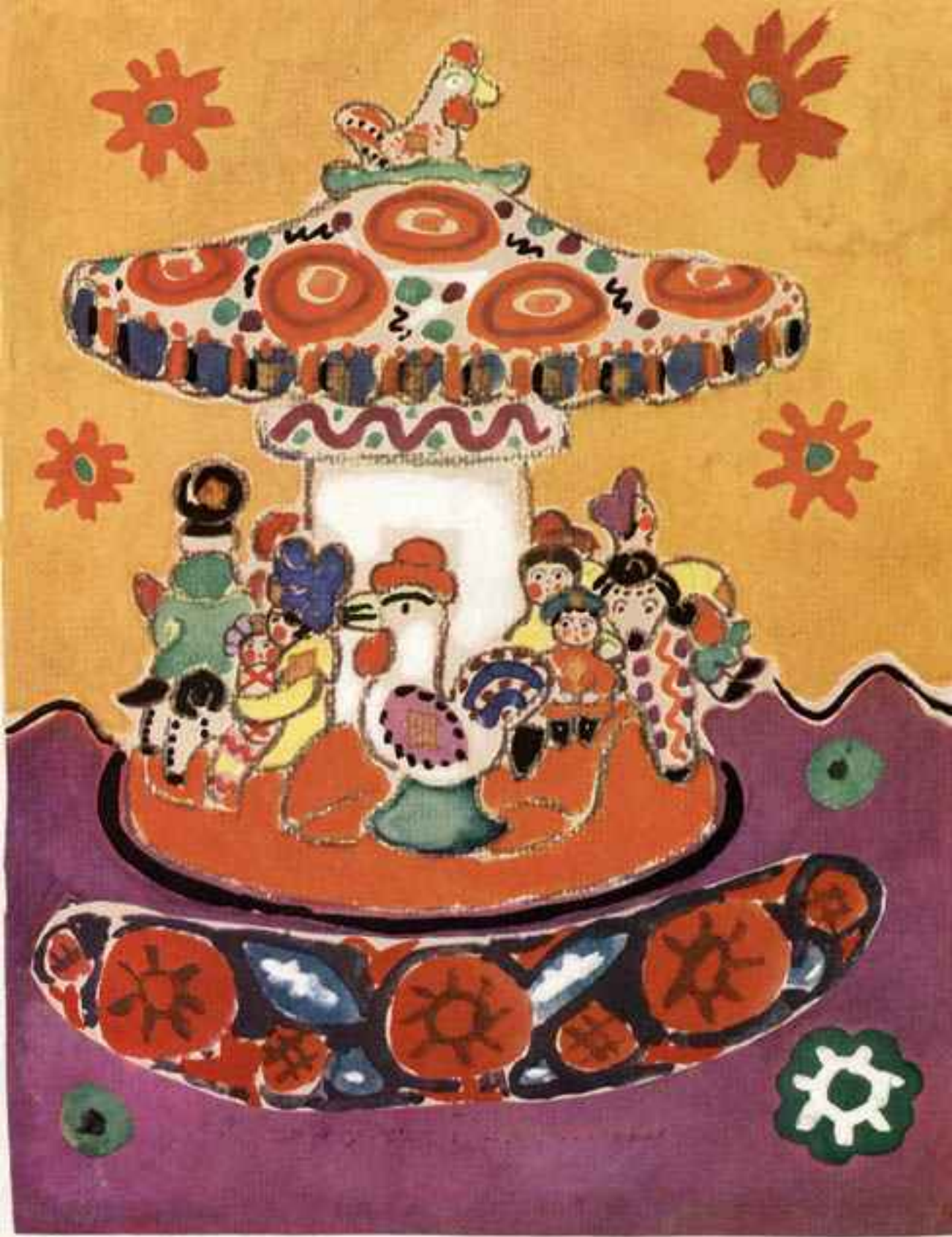
Я тоже не знаю...

ДЫМКОВО

ГОРОД КИРОВ стоит на большой реке Вятке и когда-то тоже именовался Вяткой. И в этой Вятке тоже очень любили свистульки. Тут даже был особый праздник, которого не было больше нигде и который так и назывался — «Свистунья».

Необыкновенный был праздник. Весь город по три дня гулял. С музыкой, с качелями и каруселями, с пляской и песнями. И главное, с непрерывным залихватским свистом, который летал и перекатывался над городом три дня и три ночи.

Праздник и начинался с того, что каждая семья шла на городскую площадь в специальные торговые ряды, где продавали дымковские глиняные свистульки, да игрушки, да разные праздничные сладости: леденцы, маковки, пряники, пирожки, орехи, засахаренную клюкву.

Дымково — это городская слобода, то есть его часть. Но только лежит она отдельно, за широкой рекой, как раз напротив центра города.

На вид слобода — обыкновенная деревня — больших домов нету.

Главным занятием жителей в прежние времена была рыбная ловля.

А ещё, как в Филимонове, лепили из глины свистульки и игрушки. Глины здесь тоже много. Но свистулками делали только небольших уток и коней, а кони были и двухголовые и трёхголовые. То есть самые что ни на есть сказочные. И кони с всадниками.

Так вот, каждому в семье покупался свой конёк или своя уточка — и пошло: кто кого пересвистит, у кого свист красивей, у кого зазорней получится.

Маленький мальчонка стоит, щёки надувает. Рядом то же самое делают его сестра, мать, отец, бабушка и даже старый-престарый дед с посошком в руках. Дед сунул яркого конька в большую седую бороду — и как проглотил. Не видно конька.

Но свист пошёл. Пошёл из седой бороды. Свистит, заливается борода.

Выцветшие дедовы глаза заблестели, как у молодого. Смешно всем стало, весело! Так смешно и весело, что ноги сами приплясывать начали.

Вся площадь, все улицы Вятки полны развесёлых, приплясывающих, хохочущих, разнаряженных людей. Все в ликующем свисте.

В тех же рядах обязательно покупали и дымковских барынь, нянь и индючков, похожих на Жар-птиц. Носили их по улицам в руках для большего украшения праздника.

А зимой этих кукол и индючков ставили в окна между стёклами. Во все окна ставили — и это была неслезанная красота. Потому что в Кирове тоже очень снежно, сугробы до самых окон доходят. А в окнах —

сквозь любую пургу, сквозь любую непогоду ярко светятся, улыбаются, зовут удивительные игрушки.

Дымковские игрушки ведь необыкновенно нарядны.

Няня с ребёночком на руках, например, может быть в ярко-синем платье с пелеринкой и пышными оборками. По подолу оранжевые и алые круги. На голове — волнистая малиновая шляпа с жёлтыми перьями. Дитё — всё в кружевах. И кроме того, на няне жарко горит золото: на шляпе, на груди, на нижних оборках, большие серьги в ушах золотые.

А уж какая она величавая и статная! Какое округлое и румяное у неё лицо! Как приветливо и добро она улыбается!

Но свистульки, куклы и индючки были в Дымкове только началом. Теперь же там лепят всё: даже целые сценки, в которых по десять и по двадцать фигурок. Лепят избы, карусели, качели, театры, пастухов со стадом, ледяные горки, с которых ребятишки катаются на санках. Лепят свадебные пиры с богатыми угощениями на столах. Собачьи игры и зайцев деда Мазая...

Всё изобразят в игрушке, что есть в жизни. Но только весёлое. Грустного ничего нет.

А старейшая игрушечница — Зоя Васильевна Пенкина даже вылепила пушкинскую «Сказку о царе Салтане», в которой восемьдесят отдельных сцен и фигурок. Их все можно двигать — составлять сказку, как тебе захочется.

И у Лидии Сергеевны Фалалеевой есть такие же огромные составные игры.

А вы представляете, что это значит — вылепить целую сценку из нескольких фигурок! Не скопировать, а придумать и сделать такую, какой ещё никогда нигде не было. Ведь каждая фигурка-то в такой сценке должна быть живой. Всё должно быть живым: поза, туловище, руки, ноги, лицо. Да ещё и чуть смешным, весёлым. Скучного-то Дымка не признаёт. А рост таких фигурок чаще всего с детскую или женскую ладонь. Значит, их

собственные ручки с мизинец, а лицо — с жёлудь или грецкий орех.

Вот и сделай их какими надо-то!

Даже опытные старые мастерицы и те порой лепят свои игрушки целыми месяцами. Переделывают, переделывают. Иногда даже плачут, что ничего не получается. Прячут их надолго в шкафы. Снова вынимают и снова лепят, лепят...

А сделав основное, бьются над украшениями: над разными оборками, воланами, накладными цветами.

А потом обжиг в печах. Потом побелка. Роспись у них только по белёному. И только красками, разведёнными на яичных желтках, темперой называются — они особо яркие и блестящие. А в узорах в основном круги. И кроме того, на каждую

фигурку во многих местах наклеиваются тонюсенькие медные листочки — поталь. То есть они раззолачиваются.

И становятся самыми нарядными среди всех игрушек, самыми яркими, самыми весёлыми.

Я даже думаю, что дыковские мастерицы немножко волшебницы. Ведь тот же индюк, например, всегда был обыкновенным и не очень-то симпатичным, слишком ворчливым. А попал к ним — превратился в настоящую Жар-птицу, а кот — в гармониста.

Посмотрите, какой у индюка теперь огромный и необыкновенный хвост — горит, как многоцветное солнышко!

А какая богатая корона на голове!

Какие дивные накладные цветы на крыльях!

И знаете, сколько девушек мечтает стать игрушечницами!

В Кирове даже есть теперь такая школа. Но многие учатся, учатся, и сил не жалеют, и времени, а не получают у них игрушки — не живые, не весёлые выходят. У половины не получаются. Вот, значит, как всё сложно, как трудно. Особый талант должен быть дан человеку.

БАРАМИКОВ

ИЗ

БОГОРОДСКОГО

ОЧАМИ в деревнях тихо. Очень тихо. Только изредка пропоют петухи или полаяют собаки.

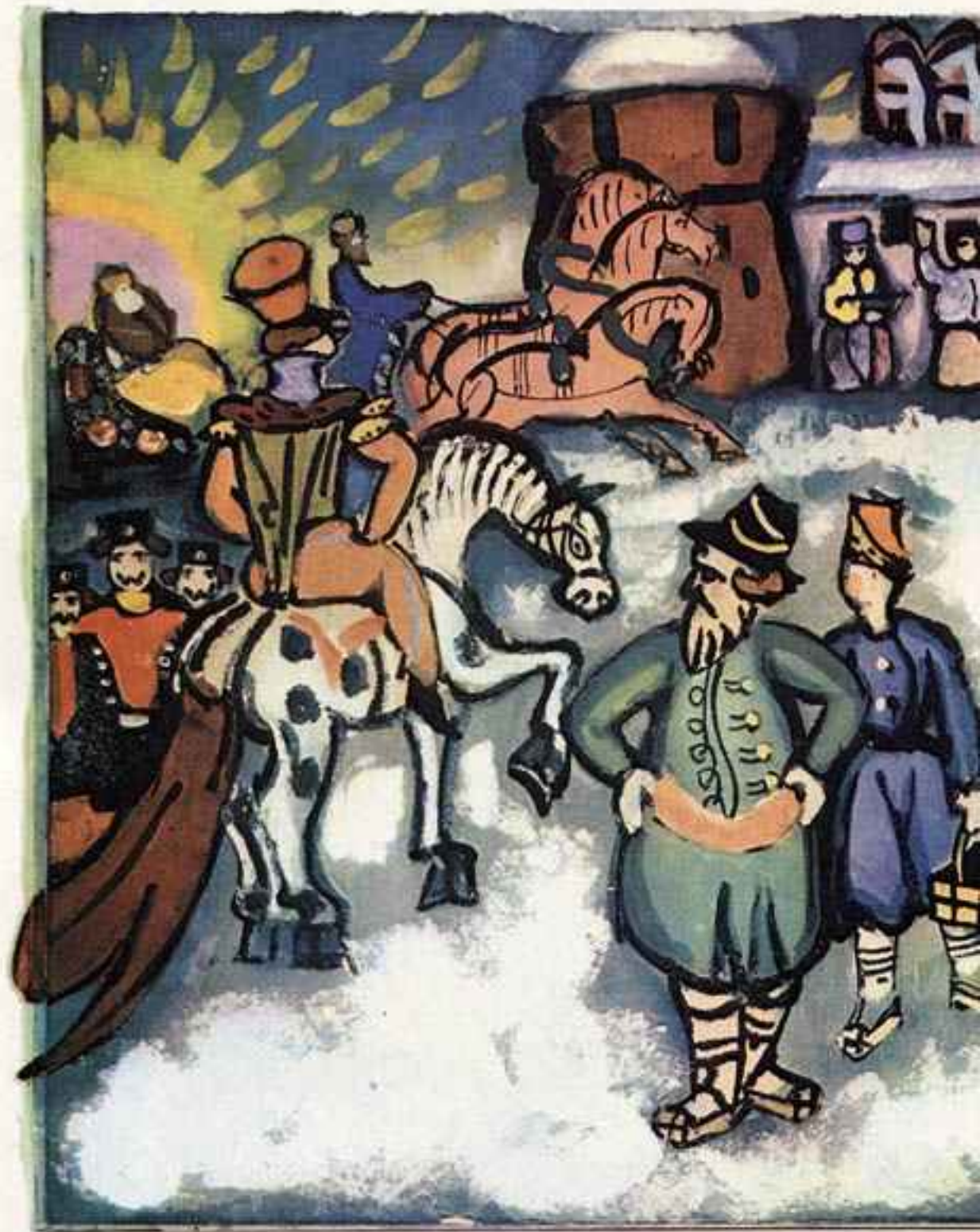
И в Богородском очень тихо. Деревня невеликая, шоссе далеко, машины не ездят.

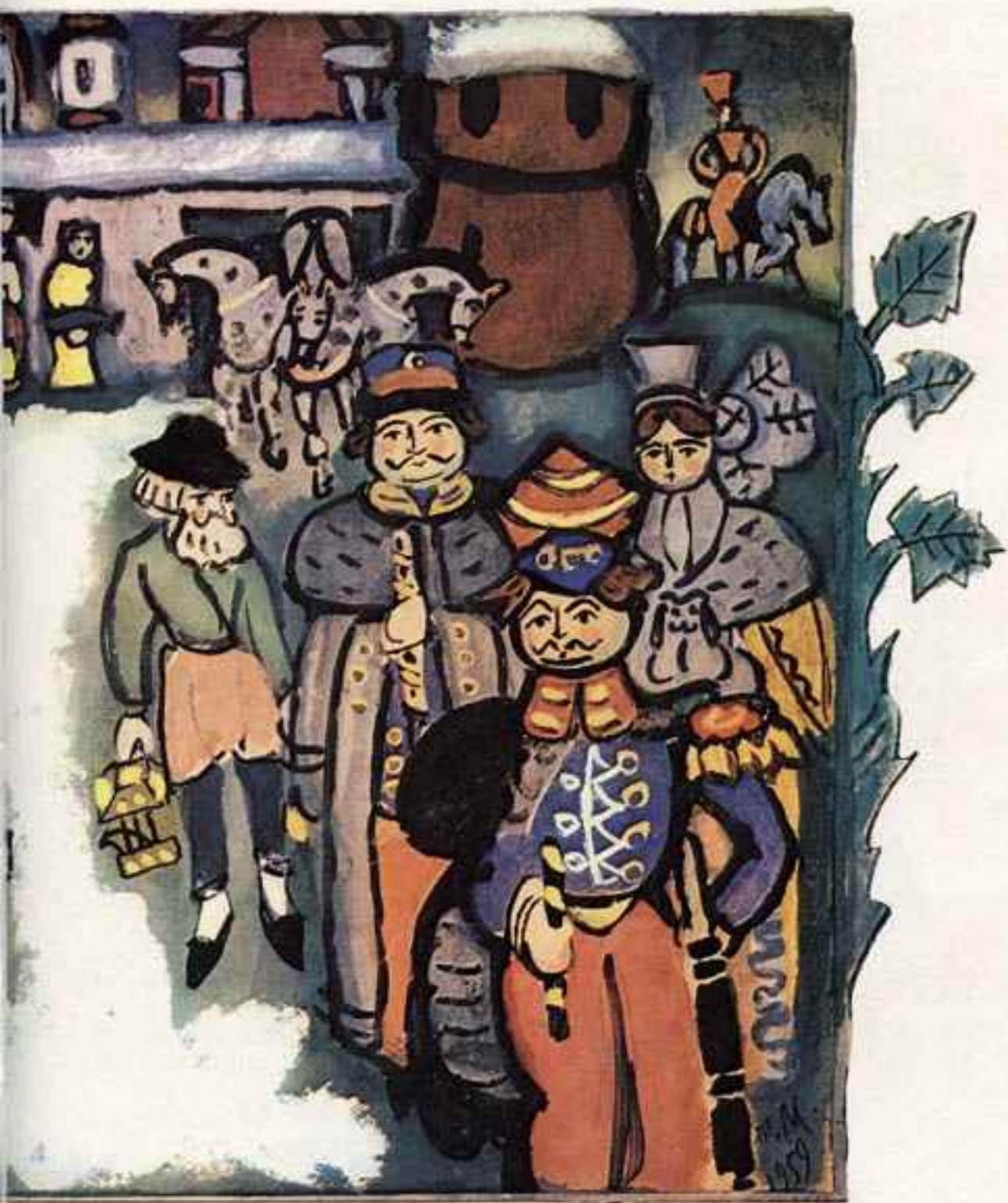
Но если как следует прислушаться, тут всё равно в любую ночь можно было услышать какой-то негромкий режущий звук, а порой и приглушённые удары не то топора, не то какого-то другого рубящего инструмента. И всё из одного места: от большой разужоренной избы в центре деревни, у которой на крыше вместо конька стоял красивый деревянный медведь.

И пониже у стен были разные деревянные фигуры. А ещё по весне там цвела высокая пахучая черёмуха, потом пышная-пышная сирень и много цветов.

И если подойти и заглянуть сквозь эту сирень, можно было увидеть на крыльце дома огромного человека, похожего на медведя.

Он сидел и что-нибудь вырезал из дерева. Чаще всего медведей. То маленьких, то больших. Всегда разных.

Все ночи не спал и работал почти до утра.

Иногда и лампочку гасил — так быстро светало.

Иногда уж и соловьи просыпались и разливали свои трели.

А он всё ши-и, ши-и или тюк-тюк...

Это был Михаил Васильевич Барашков.

Богородскому уж сотни лет. И здесь всегда вырезали и вырезают из дерева игрушки. В старинных книгах написано, что даже маленькому царю Петру их здесь покупали. А так же в городе Сергиевом Посаде, нынешнем Загорске, — это совсем близко. Там тоже делали деревянные игрушки. И ещё из папье-маше. То есть из обыкновенной, чаще всего газетной бумаги, которую наклеивают на разные формы слой за слоем, пока она не станет толстенькой и твёрдой, как дерево. Внутри такие игрушки пустые, а снаружи эти игрушки раскрашивают масляными красками.

В Сергиевом Посаде родилась и первая точёная русская матрёшка.

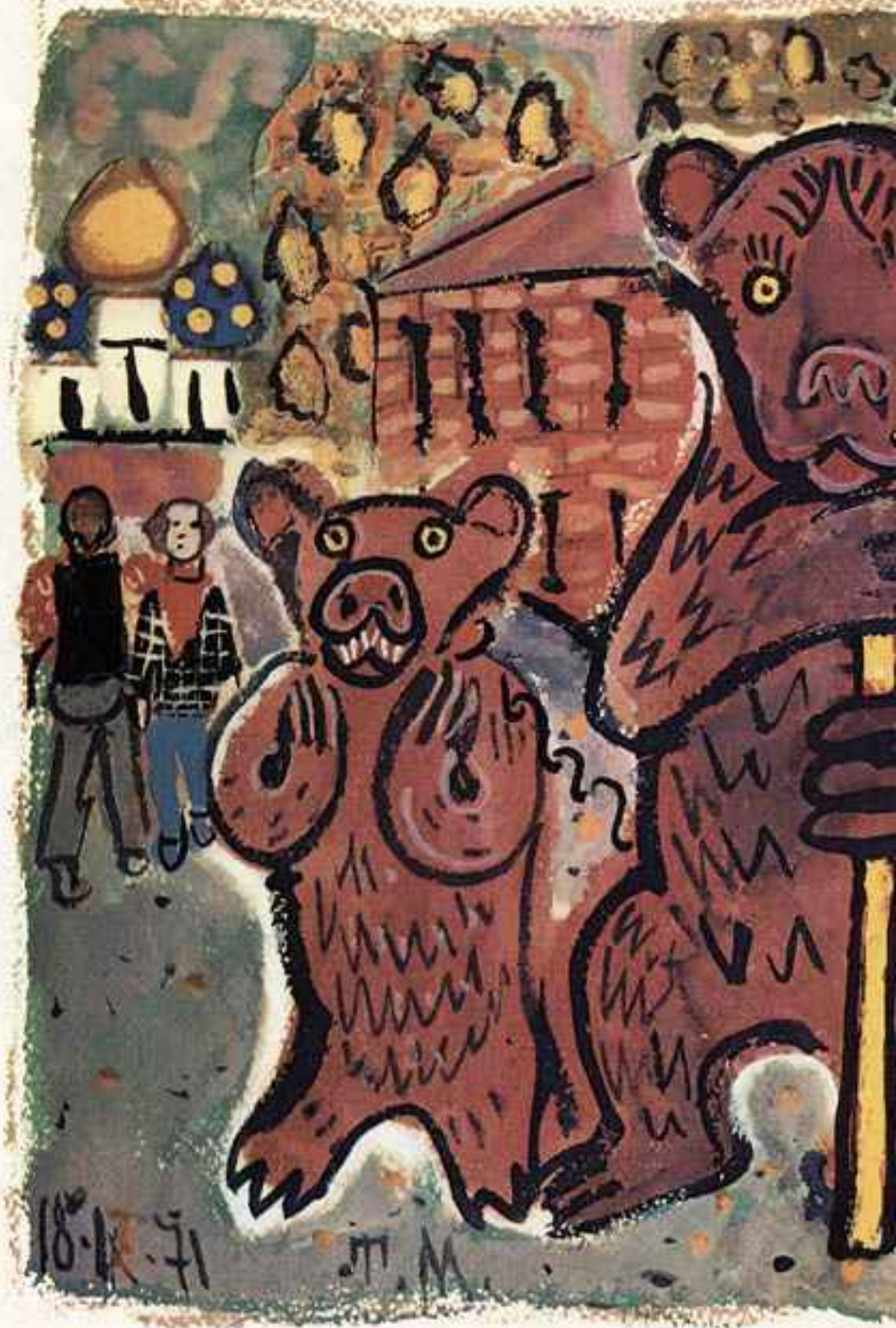
Всего восемьдесят-девятью лет назад родилась.

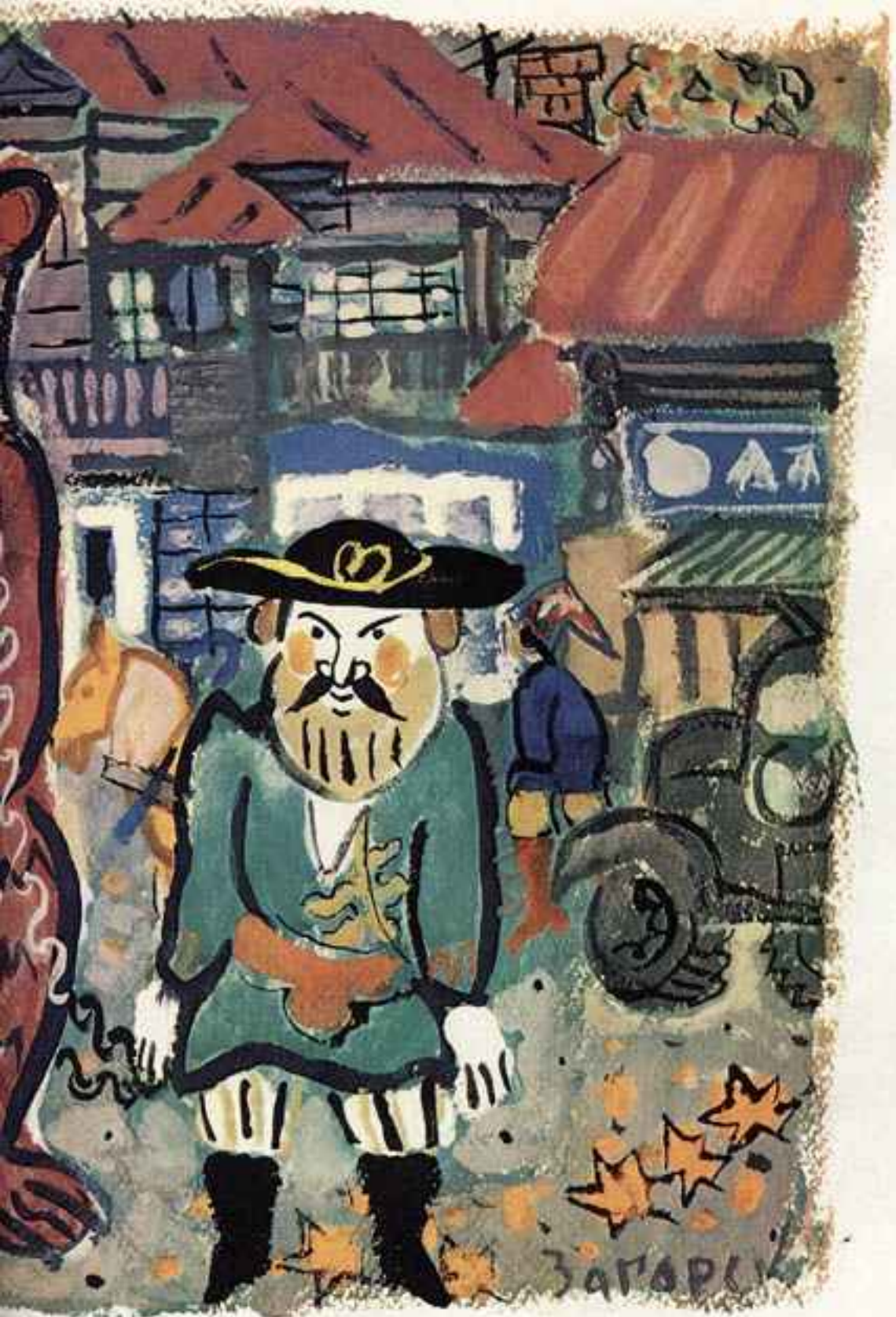
Вырезали в Богородском всякое: кукол, солдат, мужичков, кузнецов. Вы, наверное, видели в начале нашей книги мужичка и медведя, бьющих молоточками по наковальне. Это их самая знаменитая игрушка. И клюющие курочки на круглой дощечке отсюда. И машущая крыльями сова. Двигающихся игрушек много делали. И раньше всё раскрашивали, а сейчас не раскрашивают. Но больше всего в Богородском любили и любят вырезать медведей.

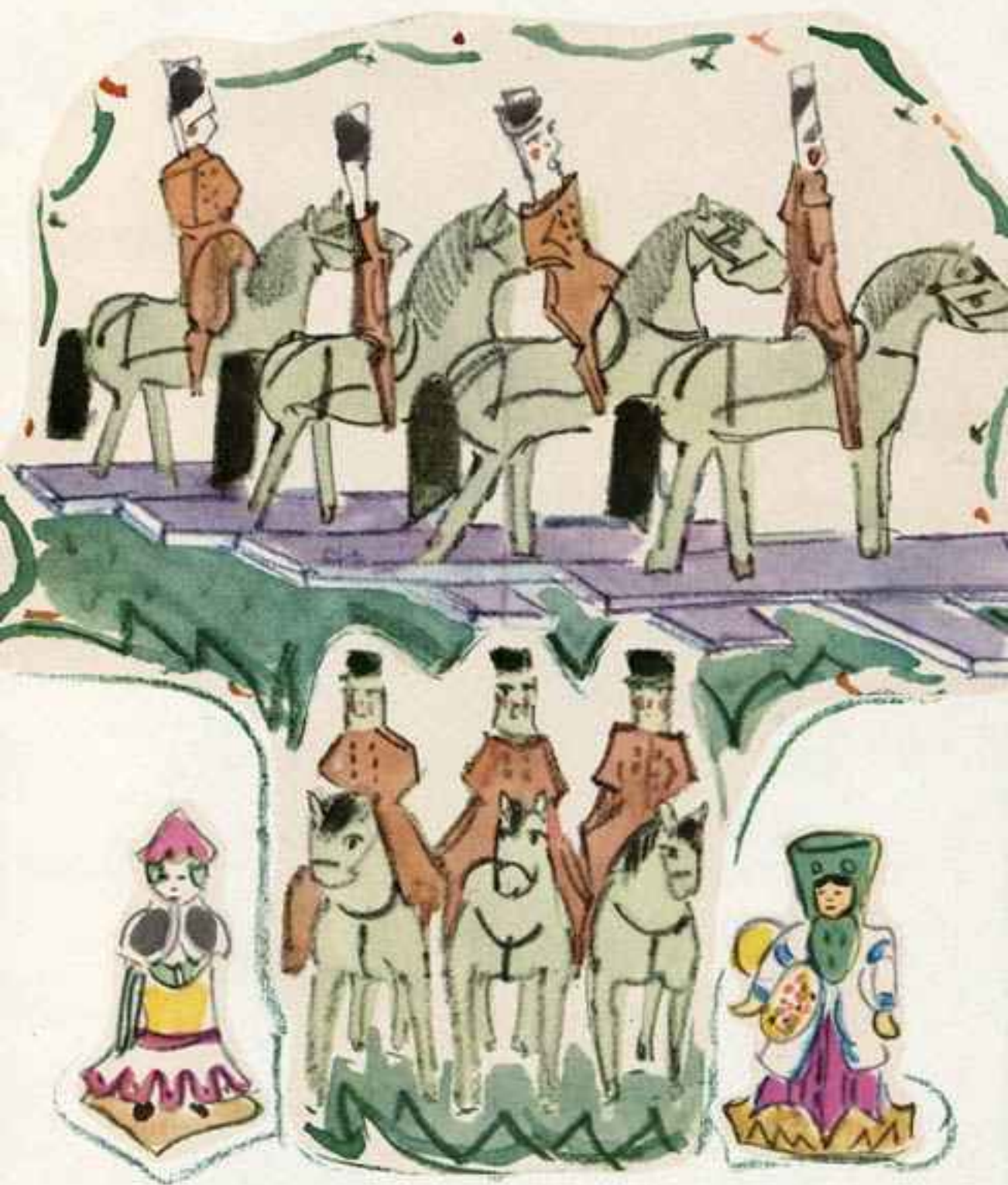
— Может быть, потому,

что это наш главный русский зверь,— говорит Михаил Васильевич Барашков.— Раньше в лесах вокруг Богородского их много было.

Но вырезаем мы не всяких: злых, жестоких или вредных медведей у нас не бывает. Есть только добрые, да работающие, да ласковые, да весёлые, да умелые.

Раньше настоящих учёных медведей водили прямо по улицам, и они выступали на базарах, на деревенских площадях.

А ну-тка, Мишенька Иваныч! — запевал вдруг Михаил Васильевич.

Мишенька Иваныч,
Родом боярич,
Ходи ну похаживай,
Говори-поговаривай,
Да не гнись дугой,
Словно мешок тугой,
Да ну поворотись,
Развернись,
Добрым людям покажись...
Представь, как теща
Про зятя блины пекла,
Да угорела,
Головушка заболела...

Так пели-приговаривали поводыри учёных медведей, а те очень смешно изображали, как пекли эти блины, как девицы смотрятся в зеркальца, как мальчишки потихоньку таскают горох с чужих полей. Много чего изображали. А потом просто кувыркались, акробатничали.

Вот такими в Богородском мы их и делаем. Чтоб, значит, умели всё, что должны уметь учёные медведи.

И другие звери чтоб умели — каждый своё.

Почему я не сплю, спрашиваете? А-а-а...

Михаил Васильевич сразу понижал голос, некоторое время молчал, раздумывал — рассказать или не рассказывать. А потом вообще переходил почти на шёпот, хотя голос у него был тоже могучий. Иногда даже и резец откладывал.

— Я не могу спать. Понемножку-то сплю, часа два-три, а больше не могу.

Видите, дверь в избу открыта? А там, видите, шкафы, и в них двери тоже открыты. А в шкафах мои медведи и разные прочие игрушки. Видите, вон мужичок с лукошком. Идёт по грибы... Дома никто столько не держит, а я держу. Потому что у них наверняка есть время, когда все оживают. Вот я и боюсь пропустить такой момент. Хочу всё увидеть своими глазами. Для того и не сплю. Для того и все двери открываю. Вдруг оживут! Это же так интересно, увидеть ожившими тех, кого сделал собственными руками! Может быть, интереснее всего на свете.

Мне даже и сны такие же снятся. Всего два-три часа сплю, а вижу вдруг медведей из папье-маше, например, которых делают недалеко от нас, в Загорске. Будто идут они с каким-то мужиком прямо по городу

и приплясывают. Вроде они тоже учёные.

И совсем чужие далёкие игрушки вижу.

Вы знаете, что в старинных сказках был получеловек-полуконь по имени Полкан?

Так вот раз вдруг вижу какую-то деревню, людей, мотоцикл, а среди них он — получеловек-полуконь. Глиняный, да с бородой и в чёрной шляпе, а рядом глиняный же человек.

Я спрашиваю:

— Ты Полкан?

— Полкан.

— А шляпа?

— Приоделся, — отвечает.

— Откуда же ты, чудо ненаглядное?

— Из Каргополя, мил-человек. Из городка малого, с севера дальнего. От бабушки Ульяны, из фамилии Бабкиных. Она нас из глины пекла, да сажей, как вишь, мазала. Да синькой, да мелом — лучших красок не имела. А когда имела, делала таких ярких, как я. Но ты знаешь, старикам-богатырям важнее удаль да стать, а этого нам не занимать... Плясать-то будем? Или бороться? Или споём?

— У-ух ты какой! — удивился я.

— И такой! И сякой! И разэтакый!

И Полкан выбил копытами задорную дробь.

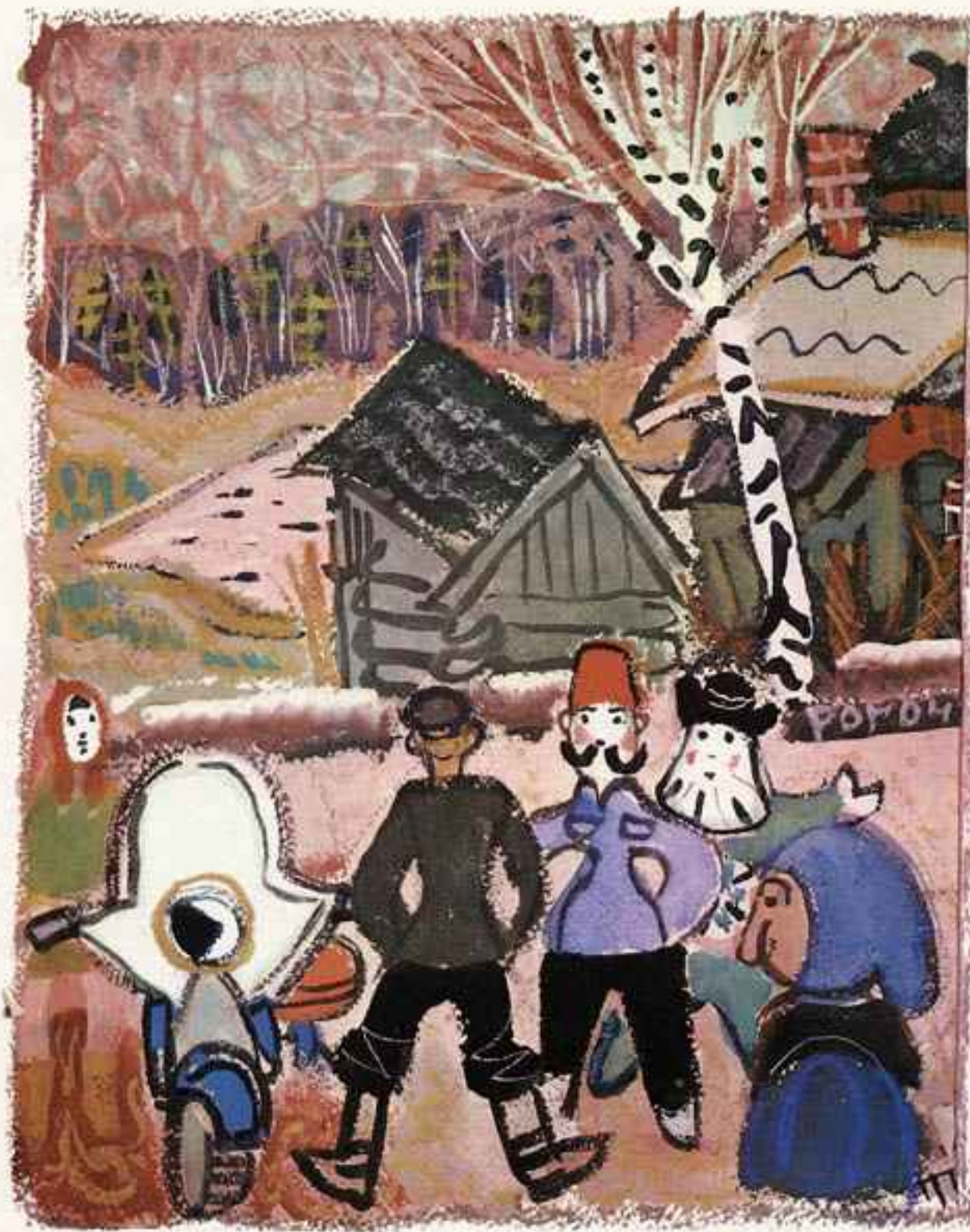
— Ух, — говорит, — как плясать хочется! Ух!..

А то однажды увидел во сне плоского коричневатого медведя и такую же птицу, которые были облиты чем-то белым, блестящим.

— Извините! — говорю. — Я никогда не встречал таких игрушек. Давайте познакомимся!

— С удовольствием! Мы — тульские пряники.

— Ой! Значит, были и такие игрушки?

— Были. Да ещё с начинкой. У нас внутри повидло. А облиты мы сахаром.

— Это замечательно!

— Но нам уже больше ста лет, — сказали с грустью пряники.

— Сколько? Сколько?

— Знаем, что больше ста, а сколько точно — не знаем.

Я не поверил, покачал головой. Но они всё объяснили:

— Правда! Правда! Обычно-то дети, конечно, съедали такие пряники. Сначала играли, а потом съедали. Но некоторым мы нравились так, что они не могли нас съесть. Вот и мальчик, которому нас купили, не смог. Мы его часто вспоминаем...

Глаза у Михаила Васильевича тоже похожи на медвежьи:

тёмно-коричневые и круглые. А в них всё время горят

смешинки. И не поймёшь: то ли он всерьёз всё это

рассказывает, то ли в шутку. Но ведь действи-

тельно и днём работает, и ночами. Действи-

тельно почти не спит. В Богородском

появляются новые и новые игруш-

ки. А сколько их всего было

сделано здесь за

сотни лет!

ПРО ТО, ЧТО БЫЛО ДАВНО-ДАВНО

НАЕТЕ, о чём я подумал?

Об игрушках, про которые только что рассказывал Михаил Васильевич — о пряниках.

Ведь их действительно теперь нет. Не пряников — пряники-то есть; в любой булочной, пожалуйста, бери какие хочешь: мятные, с повидлом, глазированные, маленькие и большие в коробках, эти даже с выпуклыми узорами. Но это не пряники-игрушки. В них нельзя играть, их можно только есть. А в те, старинные, взаправду играли, и они были совсем другие.

Но всё по порядку, а сначала ещё об одном интересном человеке, которого звали Иван Александрович Голышев.

Он жил давно-давно, когда ещё не родились ваши бабушки и дедушки. Жил в огромном селе Мстёра, где почти все мужчины были художниками-миниатюристами. То есть писали картинки очень маленьких размеров. Стоит это село на реке Клязьме в ста километрах от старинного города Владимира.

Голышев тоже стал художником, но рисовал не миниатюры, а большие картины. Их называли лубочными и ещё народными. Потому что они были очень яркими, нарядными и весёлыми, народ их любил и обязательно развешивал для украшения по стенам в избах и городских домах. Богатые же эти картинки не признавали, считали их слишком яркими, слишком пёстрыми. И до Голышева ни в одной русской деревне их не рисовали и не печатали, только в Москве. Голышев первым завёл это дело в своём селе.

И первую читальню устроил в Мстёре.

И первую школу рисования для крестьянских детей.

А кроме того, он с юных лет без конца ходил пешком по ближним и дальним краям и везде разыскивал всё красивое, сделанное народными мастерами: резную и точёную посуду, резную и расписную мебель, игрушки, украшения из дерева, изделия из железа. И в конце концов у него дома образовался настоящий музей народного искусства — первый музей в деревне и вообще первый такой музей в целой России.

И больше всего там было пряничных досок.

Пряники ведь как делались: специально приготовленное тесто раскатывали в большие толстые блины, на один клали начинку, другим её покрывали, и тут уж в ход шла пряничная доска. Да, да, самая настоящая толстая доска, на которой был вырезан какой-нибудь зверь, или птица, или что-то ещё. Это была форма. Почти такая же, какими вы играете в песочек. Только ваши формы из пластмассы или металла, а те были на досках. Ими сильно надавливали на сложенные блины — и из теста получались фигуры, которые потом пекли.

Это называлось — печатать пряники, а сами пряники назывались печатными.

Помните, у Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке»:

За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вина;
Заедает она пряником печатным...

Так вот, у Ивана Александровича Голышева таких досок оказалось очень много, больше двухсот. А ведь до него их ни-

кто никогда не собирал, так что он первый увидел, какое великое количество пряников у нас выпекалось. И каких разных, каких красивых! И сами пряничные доски были необыкновенно красивыми. Голышев даже вешал их на стены, и они выглядели как великолепные резные картины.

И ещё он узнавал всё-всё про стародавние русские пряники и писал о них книги. А если бы он не написал эти книги, может быть, мы многого о пряниках и не знали.

Итак, в давние-давние времена без пряников не обходились ни дети, ни взрослые.

Взрослые, например, если хотели выразить кому-нибудь уважение, посылали пряник, который назывался «на почёт» или почётным. Они бывали иногда таких огромных размеров и

огромного веса, что даже не умещались на одних санях, и их приходилось возить на двух, связанных вместе. Картины на них помещались самые нарядные, на некоторых прямо целые сказочные города в теремах и башнях, а вокруг обязательно ещё выпуклая красивая надпись — от кого и кому подносится этот почётный пряник.

А на новоселье полагалось идти с пряником, предназначенным только для этого случая.

И для свадеб были особые пряники: особой формы, особо украшенные. Для начала свадьбы — один. Для середины — другой. Для конца — третий; его разламывали на маленькие кусочки и раздавали всем гостям — это означало, что свадьба кончилась и пора уходить.

На все праздники были свои пряники.

Пряники ели и в царских палатах, и в бедных крестьянских избах. Только для царя их пекли специальные команды пряничников, а печатные доски резали лучшие в стране резчики. А крестьяне всё делали сами.

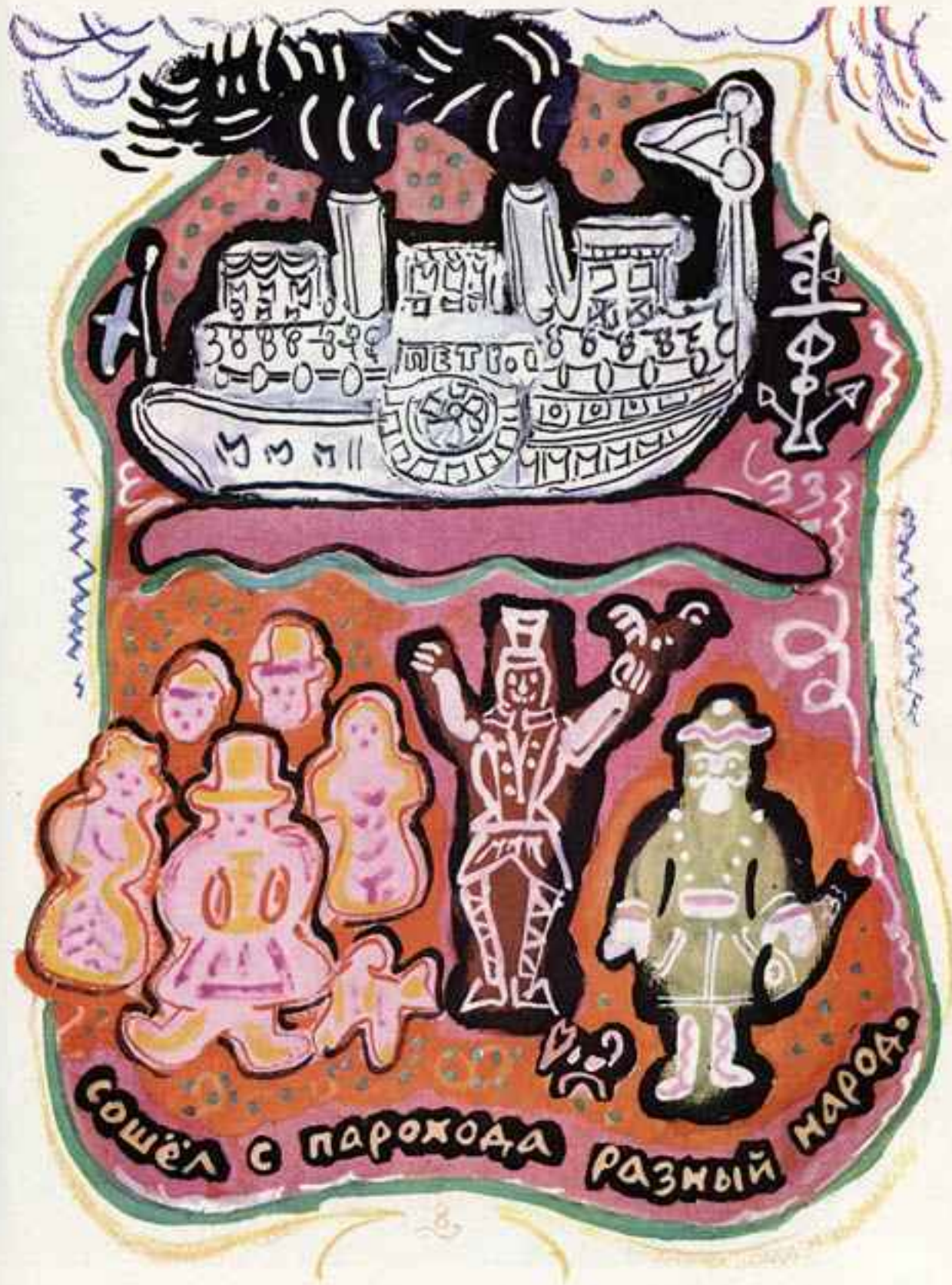

Середина пряничной доски

И всё-таки, как ни много потребляли взрослые пряников, для детей их изготавливали во много раз больше, и в основном — фигурные. На базарах и ярмарках устраивали даже специальные ряды, где продавали одни лишь детские пряники. На больших базарах и ярмарках продавали всё-всё: разные продукты, разные вещи, лошадей, коров, другой домашний скот, птицу. И ещё на них обязательно работали цирковые

СОШЁЛ С ПАРОХОДА
РАЗНЫЙ НАРОД.

— По кустам
бродят олени-золотые рога.

балаганы, кричал проказник Петрушка, кувыркались и приплясывали учёные медведи, играли шарманки. Шум стоял невообразимый. Всё было празднично, пестро, ярко, весело и очень интересно.

Но дети всё равно тащили родителей сначала не к балаганам и

Петрушке, а в пряничные ряды, от которых уже за полверсты тѣкъ пряно-сладкий запах. И чем ближе, тем он делался всё сильнее, сильнее, всё гуще — во рту и без пряников становилось сладко. И вот, наконец, они: белые, розовые, жѣлтые, серые, сиреневые, золотистые, коричневые, бордовые да в алых и золотых яблочках и полосках — сияют, блестят, переливаются, спят. Они же все были облиты цветным блестящим сахаром или посыпаны цветной крупой, а на некоторых наклеены яблочки и полоски сусального золота. Да пряники ли это? И верится — и не верится. Потому что они в виде больших и маленьких домов, теремов, коней, коров, всадников, павлинов, рыб, зайцев, парусников, часов, солдат, медведей, паровозов, баранов, пастухов... То есть каждый пряник — какая-нибудь игрушка. Кто какую игру хотел устроить, тот такую и устраивал: из одних птиц и зверей, например, или только с домами и людьми, или со всеми вместе. Как хочешь, так их составляй и переставляй, а они при этом ещё и вкусно-вкусно пахнут. И ты знаешь, что внутри у одних — нежная пастила, у других — мед или варенье, а некоторые даже перченые, или с тмином, или с другими пряностями.

Их были сотни, тысячи этих сладких игрушек. Все длинные-предлинные торговые ряды ими заняты. Ходи. Рассматривай. Выбирай. Можешь даже целый сказочный город или деревню из них построить и заселить.

А хочешь, можешь и целую азбуку набрать. Пряники в виде букв тоже были. По ним учились читать, из них складывали слова. А потом это слово можно было съесть. А можно было и не есть, пряники хранились сколько угодно и не портились.

Была и особая пряничная игра, для которой их делали круглыми и очень крепкими, размером примерно с блюдце. Играли так: кто кинет пряник дальше и, упав, он не разобьётся — тот выиграл. Причём упасть он должен был только плашмя. Расплачивался проигравший тоже только пряниками, и играли в эту игру лишь на базарах и ярмарках. И дети играли, и взрослые. И были такие ловкачи, которые уносили домой целые мешки выигрышей.

Приятно, правда?

Да, а пряничные доски вы можете увидеть во многих музеях. Они там висят прямо как резные картины. А те, что в Историческом музее в Москве, —

Голышевские. Он их
все подарил
этому музею.

Про Городец и Мазына

А РЕКЕ ВОЛГЕ есть старинный-старинный городок Городец. А за ним — тоже леса. Большие-большие, есть и дремучие. Когда-то в Городце строили корабли. Это когда они были ещё парусные. Для всей Волги строили. Да не простые, а дивно разукрашенные, со всякими резными фигурами и узорами. Грозные русалки на носу, их называли Берегинями. Улыбчивые львы на корме. Лица у этих львов были иногда совершенно человечески и очень добрые.

Сплошь в затейливых узорах и фигурах были там и дома, и мебель, и разные другие домашние вещи. Самые будто бы нарядные во всей

России. Так написано в книгах.

Делали в Городце, конечно, и игрушки. Делают и сейчас. Из дерева, из глины. Но из глины не расписанные, а политые бле-

стящей цветной глазурью. Как кувшины, как горшки, печные изразцы. Изразцы тут делали тоже знаменитые.

И пряники, как в Туле, как в других городах.

А в деревнях под Городцом на речке Узоле жили мастера, которые вырезали из дерева разные домашние вещи, игрушки, а также рисовали на некоторых вещах картинки. Звали там этих мастеров «красилями».

Игнатий Андреевич Мазин — один из них. Родился и работать начал ещё до революции. Жил в деревне Курцево. В ней всего двенадцать домов было.

А у него двенадцать детей: шесть мальчиков и шесть девочек; и все рождались через одного: мальчик — девочка, мальчик — девочка. А кормилец он один и земли имел совсем мало. Тогда до революции земля была частная. Так что как уберут

урожай да обмолят, Игнатий Андреевич на следующее утро уже в своей работе, уже строгаёт, пилит, вырезает, клеит, раскрашивает, расписывает. День за днём, день за днём и осень и зиму почти без выходных. Солнце ещё не встанет — он уже там. Солнце зайдёт — а он по-прежнему там, в своей работе, которая помещалась под его домом в кирпичном подвале. Окошки были вровень с землёй.

Прокормить двенадцать человек — это ведь не шутка. Бедно жило семейство. Очень бедно.

Но каждый день, как только наступал вечер, маленькое окошко в Мазинской работе распахивалось, он выглядывал из него — мороз не мороз, выюга не выюга, всё равно выглядывал, — и кричал на всё Курцево:

— Э-э-эй! Есть ли тут добры молодцы и красны девицы?! Коли есть — собирайтесь, одевайтесь да бегите к Мазину и мазятам! У них будет представление ребятам...

И каждому, кто входит, кланяется и перво-наперво указывает на верстак, где действительно как в представлении расставлены игрушки, сделанные им за этот день: вырезанные из дерева и раскрашенные куклы, улыбчивые львы, похожие на корабельных, симпатичные, гладкие коты и кошки, которых он очень любил, и обязательно чёрные кони в саночках, а в саночках выделял каждую досочку. Коней вырезал с крутыми шеями, оглобли, дуги и всё это покрывал ещё и яркими раз-

ноцветными цветами. Рисовал разные картинки на детских стульчиках, табуреточках, на шкатулках.

— Проходите! Посмотрите! Себе игрушку подберите. И до- мой возьмите — от Мазина в подарок.

А ребятни-то набегало полно. И всяк норовил, конечно, взять что поинтереснее. Да Мазин ещё и подсказывал:

— Поглядите! Поглядите! Мальчик сел на петушка, «Ку-ка-ре-ку» конь поёт — потешается народ...

Иной раз на верстаке потом пусто. Всё, что сделал за день — всё раздарил. Значит, ничего за этот день и не заработал, ни копейки.

А через день — опять. И через десять — тоже. Раздаривал и раздаривал.

И ещё смеялся. Сам-то высокий, худой, чернобородый, брови насупленные, а глаза голубые и блестящие. Когда смеялся, они немножко даже слепили. Таких интересных глаз больше ни у кого не было.

— Ладно, — говорит, — буду работать дальше. И огоньку прихвачу, — это значит, и ночью будет работать. — А вы рассаживайтесь, рассаживайтесь. Сказки нынче сказывать? Истории? Или петь, а?

Это тоже было каждый вечер. Сказки и истории рассказывал удивительно: одним лицом каких хочешь людей изображал, каких хочешь зверей, птиц. И точь-

в-точь их голосами разговаривал. Руками-то что-нибудь красит или ещё что делает — и представляет, и представляет. То смешно. То страшновато. По-всякому.

Бывало, и его игрушки в этих представлениях участвовали. Скажет какому мальчишке или девчонке, что со своей игрушкой делать, — они и делают: игрушки вроде поют и пляшут, и разные забавы показывают. А Мазин — за главного.

Та-ра-рушки,
Та-ра-рушки —
Это русские игрушки,
Очень славные,
Да забавные,
Да нарядные,
Ненаглядные,
Не-па-гляд-ные...

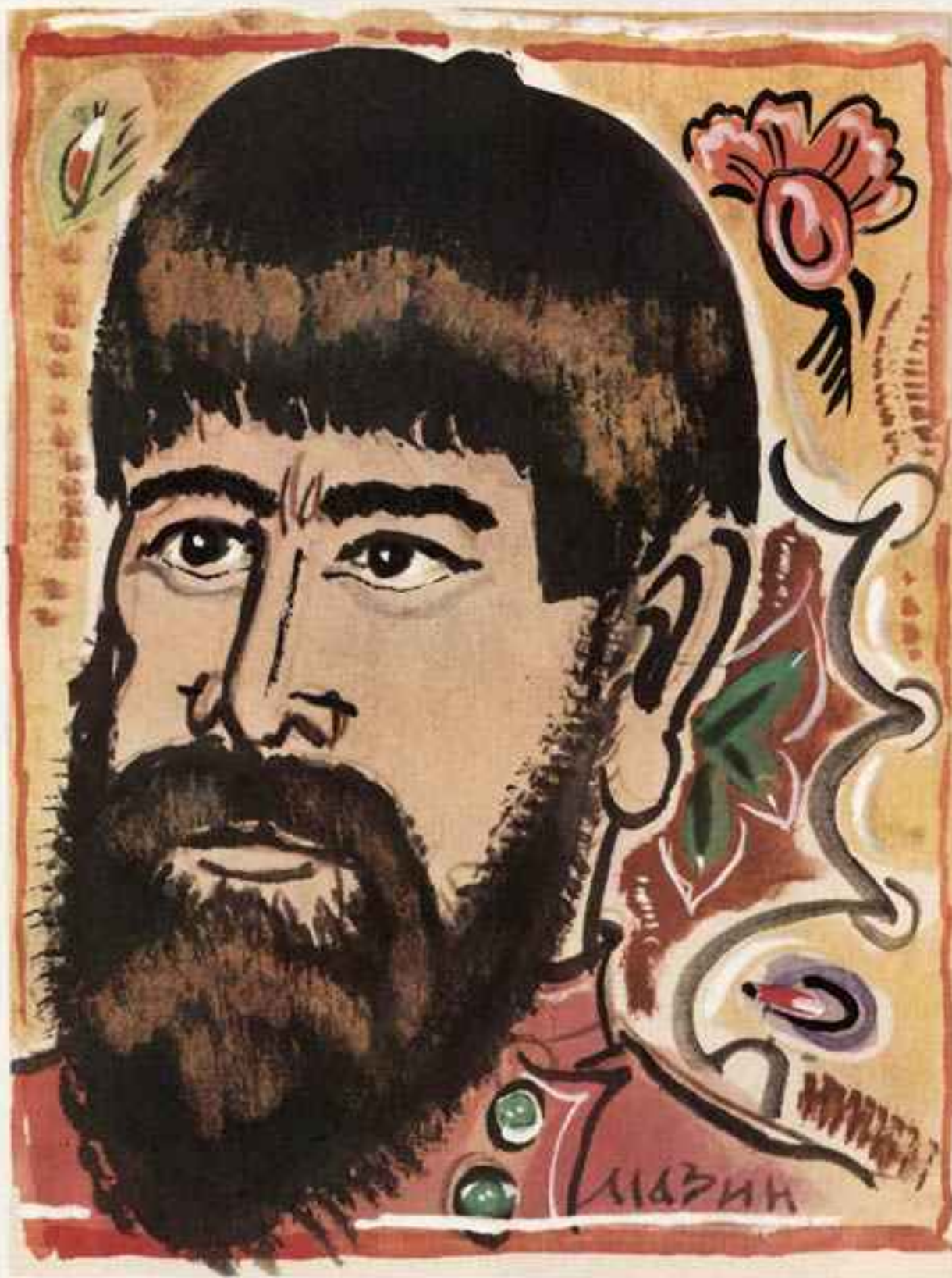
Это он научил. Он столько песен знал. Я, говорит, новую сначала один спою, а вы запоминайте, а потом давайте все вместе:

Гриб боровик
Всем грибам полковник,
Он, под дубом стоячи,
На все грибы глядячи,
Повелел-приказал,
Чтоб опёнки шли на войну.
Говорят ему опёнки:
«У нас ноги сухи, тонки,
Не повинны мы тому:
Нейдем на войну!..»

Очень смешная песня. Там дальше волнушки говорят: «Уж мы старые старушки», а сыроежки — «Разве мы какие пешки», и тоже нейдут на войну.

Та-ра-рушки,
Та-ра-рушки —
Это русские...

Not Ballaster

Какая хорошая песня-то! Игнатий Андреевич, наверное, сам её придумал.

— Тарарушки же потому, — объяснял он всем, — что было в старину такое слово — Тарарай. Так называли шутников, сказочников...

То есть людей вроде самого Мазина. Игрушки же на них очень похожи.

Та-ра-рушки,
Та-ра-рушки —
Это русские игрушки,
Очень славные,
Да забавные,
Да нарядные,
Ненаглядные,
Не-на-гляд-ные...

А потом с Мазиным знаете что было?

В советское время люди игрушки стали собирать в разные музеи, а в городе Загорске даже открыли специальный Музей

игрушки, и Игнатия Андреевича несколько раз приглашали туда вырезать и расписывать своих кукол, львов, коней, писать картины.

И из других мест приглашали мастеров делать свои игрушки. Ведь народные игрушки потому так хороши, что их делают настоящие художники.

Теперь уже почти в каждой квартире можно встретить полхмайданских матрёшек, или дымковских индючков, или какие-нибудь другие народные игрушки. Вот только детям их дают играть всё реже и реже. Их теперь очень берегут и держат в комнатах на видных местах. Потому что оказалось — народные игрушки самые лучшие украшения: поставишь любую на полку или в шкаф за стекло — и вокруг сразу праздник, да такой, который и сравнить-то не с чем.

Ребятам, конечно, немножко обидно, поиграть-то с ними хочется. Но с другой стороны, это ведь очень здорово, что они радуют уже не только маленьких, но и взрослых, что они буквально для всех стали славными, да забавными, да нарядными-ненаглядными.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
ПОЛХОВСКИЙ МАЙДАН	15
ПРО ФИЛИМОНОВСКИЕ СВИСТУЛЬКИ, ТУЛЬСКИХ БАРЫШЕНЬ И ТУЛЬСКИХ КО- ТОВ	29
ДЫМКОВО	43
БАРАШКОВ ИЗ БОГОРОДСКОГО	51
ПРО ТО, ЧТО БЫЛО ДАВНО-ДАВНО	65
ПРО ГОРОДЕЦ И МАЗИНА	81

Для дошкольного возраста

Анатолий Петрович Рогов

**ТАРАРУШКИ-ТАРАРУШКИ —
ЭТО РУССКИЕ ИГРУШКИ**

Художник Т. А. Маврина

Редактор Н. Семенов. Художественный редактор Ю. Пономарев и О. Воронцова.
Технический редактор Н. Житкова. Кирристор С. Башкалгина.

ИЗ № 2000

Сдано в набор 1.07.85. Подписано в печать 3.07.85. 64х90¹/₂. Офс. № 1. Гарнитура Басева.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,0. Усл. фронт. л. 3. Тираж 50 000 экз.
Изд. № 3014. Листы № 400. Цена 2 р. 30 к. Издательство «Машин», 121332, Москва, Давыдовская
ул., 5. Кабинетский отдел Трудного Братского Лицея политехнического детского центра.
Тираж: Репродуктор-фототипа. Полиграфическая РСФСР. 120045, Калинин, проспект 30-летия
Октября, 16.

4002010/02-128
P 81020201-05 94-00

© Издательство «Машин» 1985

